

Данилевский Н.Я.

РОССИЯ И ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

(Дополнение к книге «Россия и Европа»)

(Заря, 1871, янв.)

Существеннейшее содержание длинного ряда статей, помещенных в «Заре» за 1869 год, под заглавием «Россия и Европа», — не политического, а преимущественно историко-философского свойства. Тем не менее, однако же, в них приходилось рассматривать и вопросы чисто политические, оценивать некоторые явления политической жизни Европы в их отношении к России и Славянству — и, как бывает необходимо при рассматривании вопросов близкого прошедшего и настоящего, — высказывать предположения о будущем направлении событий. Но вот совершаются на Западе события первостепенной важности, которые не могут оставаться без огромного влияния на судьбы Славянства и России. О вероятном характере этого влияния считаем себя так сказать обязанными изложить наши мысли, ибо без этого весь взгляд наш на политические отношения России к Европе должен бы показаться не полным, потерявшим всякое современное значение, хотя собственно говоря ни в чем существенном он не изменяется. «Без ненависти и без любви», говорили мы, «равнодушные и к красному и к белому, к демагогии и к деспотизму, к легитизму и к революции, к *Немцам*, к *Французам*, к *Англичанам*, к *Итальянцам*, к *Наполеону*, *Бисмарку*, *Гладстону*, *Гарибальди*, — мы верный друг и союзник тому, кто хочет и может содействовать нашей единственной и неизменной цели. Если ценою нашего союза и дружбы мы делаем шаг вперед к освобождению и объединению Славянства, приближаемся к Цареграду, — не совершенно ли нам все равно: купятся ли этою ценою: Египет — Францией или Англией, Рейнская граница — Французами, или Вогезская — Немцами, Бельгия — Наполеоном, или Голландия — Бисмарком?». Вот единственная точка зрения, с которой, по нашему мнению, должны мы смотреть на политическую борьбу европейских государств вообще, а следовательно и на настоящую борьбу Франции с Пруссией.

Воспользовались ли мы настоящим случаем, когда дружба наша была так нужна Пруссии, — ибо что бы стали делать Пруссаки, если бы Россия, поставив 300.000 или 400 000 войска на границе Пруссии, сказала стой немецким победам? — приблизились ли мы к достижению наших народных целей, не упустили ли и этого случая, — этого никто не знал до последнего времени; но циркуляр князя Горчакова успокоил все опасения, удовлетворил всем надеждам. Каков бы ни был результат франко-германской распри, — для нас не осталась она бесплодною, мы воспользовались ею, чтобы сбросить с себя те унижительные ограничения, которыми нас опутали

несправедливость и ненависть Европы. Циркуляр князя Горчакова есть великое национальное торжество, и не столько по непосредственно достигаемым им результатам, сколько по его великолепной, дух возвышающей форме, и еще потому, что он составляет залог того, что наша политика перестала заботиться о том, «что скажет княгиня Марья Алексеевна», что она и впредь будет иметь в виду свои особые русские цели, которые будут стоять для ней выше всего, и на все остальные события мира, как бы ни были они сами по себе важны, будет смотреть как на побочные обстоятельства, благоприятствующие или нет достижению наших, якобы своекорыстных, целей, а не поступаться ими как несвоевременными в виду великих так называемых общеевропейских столкновений и замешательств. С дней Екатерины Великой, когда она пользовалась замешательством, производимым французской революцией, для того, чтобы докончить возвращение русских земель из-под польского ига, мы не видали еще подобного примера, мы не умели, или не хотели, пользоваться ни честолюбием Наполеона I, ни смутами 1848 года для достижения своих особых, русских и славянских целей, и потому, нельзя не видеть огромного шага вперед в том, что захотели и сумели воспользоваться честолюбием Пруссии и Бисмарка. Был ли этот шаг результатом предварительного соглашения с гениальным руководителем Прусской политики, или это сюрприз и для него, на который он принужден делать *bonne mine a mauvais jeu* — сущность дела от этого не изменяется. Но оставим это блистательное действие русской политики и обратимся к рассмотрению, какое отношение имеют настоящие события сами по себе, по необходимой силе вещей, помимо всякого с нашей стороны содействия или противодействия, к тому, что составляет настоящую политическую задачу России. Ибо, как мы уже говорили, хотим ли мы или не хотим, а за разрешение ей придется приняться, по нашему ли почину, или следуя непреодолимому историческому потоку

Но прежде бросим безотносительный взгляд на действия Пруссии, потому, что в этом отношении высказывается, по нашему мнению, много неверного и несправедливого смотрящими с самых противоположных точек зрения. С одной стороны сыплются на Пруссию и на руководителя ее политики самые разнообразные укоры, даже воинственный и политический энтузиазм немцев осуждается, как нечто недостойное этой велемудрой нации. Громко и откровенно выражаемое ею желание возобновить Германскую империю славных времен Гогенштауфенов служит текстом для нападений и порицаний разыгравшегося немецкого патриотизма. Не питая ни малейшей симпатии ни к Германии вообще, ни к Пруссии в частности, ибо, сообразно указаниям истории, видим в них главных и прямых врагов Славянства, мы думаем однако же, что беспристрастие не позволяет разделять этих порицаний. Действия Пруссии и Бисмарка заслуживают удивления и подражания, ибо цель их, объединение немецкого племени в одно сильное политическое целое, — и законна и справедлива, и сообразна с главным током исторических событий XIX столетия, направляющим все великие народные движения к целям национальным, как было нам показано

и доказано в своем месте. Неужели гневаться на немцев за то, что они смело и ловко ведут свое историческое дело? По нашему мнению, в общих чертах и Пруссия, и Бисмарк не заслуживают ничего другого, кроме удивления и подражания. В одном только отношении действия Пруссиков возбуждают справедливое негодование — это их варварский способ ведения войны, организованный грабеж городов и сел для доставления тевтонским воинам не необходимого только пропитания, а сигар и шампанского, сожжение целых селений с женщинами и детьми, расстрел взявшихся за оружие для защиты своего отечества. Эти действия вполне оправдывают данное пруссакам Герценом прозвание ученых варваров. Нас впрочем это несколько не удивляет и кажется совершенно в порядке вещей, мы ничего другого и не ожидали от прирожденной насильственности истинных представителей германского племени. Хорош однако же прогресс в течение 56 лет, прошедших между настоящим и предшествующим ему вторжением иноземцев во Францию, с 1814 по 1870 год! Но тогда во главе вторгнувшегося ополчения стояла варварская Россия, отмщавшая за пожар Москвы, за взрыв Кремля, теперь же высокоцивилизованной Пруссии развязаны руки, никто не мешает ей взрывать Иенский мост.

С другой стороны, также неосновательно обвинять Францию, или даже одного Наполеона, за начало настоящей войны, видеть в них беспричинных нарушителей европейского мира. Никто добровольно не отказывается в политике от высоты занимаемого им положения. Не совершенно ли понятно, что Франция должна была стараться воспрепятствовать не только объединению на ее восточной границе 38-миллионной Германской Империи, но еще распространению ее влияния на Пиренейский полуостров? Не подобное ли действие Людовика XIV возбудило некогда тринадцатилетнюю войну за испанское наследство, восхваляемую всеми историками за восстановление ею нарушенного Францией политического равновесия? Конечно, родственные и династические связи между монархами не имеют теперь такого значения, как за полтора столетия тому назад. Но влияния этого все-таки нельзя отрицать, все еще оно довольно значительно, особливо в начале царствования новой династии, пока она не усвоит себе вполне характера и интересов той народности, во главе которой поставлена, пока не утратит, с течением времени, своих прежних семейных и национальных преданий и пристрастий. Хотя личная политика государей имела в Англии ограниченный круг деятельности, по самому государственному устройству ее с самого 1689 года — не придавали ли, в течение долгого времени, особой окраски внешней политике ее — Голландское происхождение Вильгельма III, и Ганноверское — Георгов? — Что европейские политики вовсе не равнодушны до сих пор к происхождению кандидатов на вновь открывающиеся вакантные троны, служит доказательством недавнее избрание английского принца в короли Греции. Итак, Франция, начиная войну с Германией, была права с точки зрения политического равновесия, которое есть один из жизненных принципов европейской (Романо-Германской) системы государств, как мы доказывали это на своем месте (см.

«Заря» 1869 г. сентябрь, стр. 46-49) Германия, принуждая Францию объявить ей эту войну, была права с точки зрения интересов ее национальности

Но довольно о внутренней безотносительной политической правоте борющихся в настоящее время соперников. Перейдем к гораздо более для нас интересному вопросу о влиянии этой борьбы на наши русские и на неразделимые от них славянские интересы. И в этом отношении, мы не можем согласиться с мнениями, высказываемыми самыми влиятельными органами нашей печати. Одни видят в успехах Пруссии и в унижении Франции предмет непосредственного для нас торжества, как в отмщении за Севастопольскую невзгоду, за нанесенное нам ею оскорбление, так и в вероятности более благоприятного поворота в Восточном вопросе, через содействие возвеличившейся Пруссии. Другие считают усиление Германии величайшею для нас опасностью, грозящею нам величайшими бедствиями. — Первое мнение просто смешно. Крымская война, много повредившая нашим интересам, не заключает в себе ничего такого, что могло бы оскорбить нашу народную гордость, а следовательно и не требует отмщения с точки зрения народного гонора — ведь оборона Севастополя непохожа не только на Седанскую или Мецкую катастрофу, но даже и на пресловутую защиту Страсбурга.

Но если бы даже мы могли чувствовать себя оскорбленными, то мстить за такие оскорбления предстоит только нам самим, а никак уже не Пруссии.

Этот способ восстановления народной чести оскорбительнее самой неудачно и дурно веденной войны. Недоставало еще того, чтобы Пруссия стала нашей покровительницей! Что же касается до более благоприятного решения Восточного вопроса при содействии Пруссии, мы были того мнения, что Пруссия была единственною возможною для нас в этом деле союзницею, и потому, что она по меньшей мере столько же нуждалась в нас, сколько мы в ней, и потому, что никакие воспоминания, никакие политические предрассудки нас не разделяли. Заветные желания Пруссии, перешедшие уже из области патриотических мечтаний в систематически осуществляемый план, — не могли быть исполнены без нашего допущения, без нашего, пассивного по крайней мере, содействия; и за это допущение, за это содействие мы могли бы требовать если не всего, то многого и весьма многого — Пруссия ни перед какими требованиями бы не отступила. Новейшие события доказали верность нашего взгляда; Пруссия сделалась нашей союзницей в Восточном вопросе: вольною или невольною, сознательною или бессознательною — это в настоящем случае все равно. Но теперь допущение это уже сделано и плата за него уплачена — достаточная или недостаточная — это другой вопрос, на который ответит будущее. Объединение Германии совершилось; единственный действительно заинтересованный в противодействии ему противник низвержен. Пруссия, по-видимому, уже достигла своего и закрепив свои приобретения блистательным миром, делается совершенно свободною от нашего влияния. Действиями ее будет руководить отныне единственно то, что считается ею сообразным с ее собственным и обще-немецким интересом, без всяких

уступок, которыми приходится покупать имеющиеся в виду выгоды, как в частной, так и в политической жизни, тем, кто еще не совсем оперился, не стал еще твердо на ноги.

Что германские интересы противны нашим, — об этом распространяться нечего. Исконная борьба Немцев со Славянами, географическое положение Чехии, течение Дуная, который Немцы считают, вопреки географии, истории и этнографии, так же точно своею рекою, как и действительно немецкий Рейн, — служат достаточным тому ручательством. Сочувствие Англии увеличивающемуся политическому могуществу Немцев составляет другой, не менее ясный и непреложный призрак, что и в собственно так называемом Восточном вопросе, в вопросе о Турции и Константинополе, немецкие интересы вполне противоположны нашим.

Вообще, мнение об опасности для нас возвышения Германии гораздо основательнее и серьезнее, — и, если принимать Россию за один из членов европейской семьи, считать ее интересы солидарными с общеевропейскими интересами, как, к сожалению, это всегда делается, то мнение это даже и совершенно, безусловно справедливо. Несправедливым остается только сам этот коренной взгляд, лежащий в основании почти всех суждений о политической роли и судьбе России. Опровержению его, как с общей культурно-исторической, так и с специально-политической точки зрения, посвятили мы всю нашу книгу, озаглавленную «Россия и Европа», и потому напомним теперь только вкратце развитое там в подробности.

Если бы мы могли на неопределенное время продолжать мирное жительство с европейскими государствами на основании в разное время установившихся трактатов, как один из членов европейской семьи народов, устраняя, при постоянном миролюбии, то своевременную уступчивостью и непритязательностью, то твердостью политики, могущие от времени до времени возникать *«прискорбные недоразумения»*, как выражаются на языке дипломатии, что, конечно, было бы возможно при общности действительно существенных интересов: тогда, конечно, возникновение могущественного и вместе честолюбивого государства у наших границ должно бы почитаться обстоятельством вполне неблагоприятным, могущим нарушить идиллический ток нашей истории. Но к сожалению, или к счастью, это не так. Противоположность наших существеннейших интересов с интересами европейскими — самая положительная, самая коренная, ничем не устранимая. Мы — представители Славянства, и в качестве таковых должны содействовать его политическому освобождению из-под немецкого, из-под мадьярского и из-под турецкого гнета и, затем, его политическому объединению, дабы доставить тем и себе и ему достаточную силу сопротивления против всяких грядущих политических невзгод. Такова наша историческая роль, и если бы даже мы сами ее не поняли, или не хотели понять, другие понимают за нас, и постараются, при всяком удобном случае, вредить нам, чтобы препятствовать исполнению этой нашей исторической задачи. — Всех бдительнее в этом отношении Англия, которая, кроме общеевропейских, имеет свои особые причины опасаться нас в Азии.

Благодаря своему политическому искусству и особенностям своего островного положения, она издавна уже руководит общим ходом европейской политики. Вспомним войны против Людовика XIV и XV, против республики и первой Империи, Восточную войну, последнее польское восстание... Да что приводить частные примеры — можно сказать, что с конца XVII столетия не было в Европе политического события, которое в конце концов не разрешалось бы сообразно видам и интересам Англии, причем орудиями ее служили попеременно то одно, то другое континентальное государство, то несколько вместе. — До низвержения Наполеона I целью Англии было ослабление и унижение Франции, с 1815 же года, или по крайней мере с начала двадцатых годов, — место Франции заняла Россия. Зная проницательность Англии и упорство ее в достижении своих целей, можно ручаться, что ею не упустятся случаи вредить России и, при представившейся возможности, возбуждать против нее Европу, — а такие случаи, или предлоги, доставят всегда в изобилии и Турция, и Греция, и Сербия, и Румынские княжества, и Чехия, и Польша, и пожалуй даже Остзейские провинции. Надо только, чтобы что-нибудь ближайшее, насущнейшее не занимало собою Европы.

Вот почему мы думаем что: 1). борьба с Европой во всяком случае неизбежна, что 2). всякое нарушение политического равновесия в Европе выгодно для России.

Положения эти были подробно доказаны в своем месте; теперь нам надо только рассмотреть, как и в чем видоизменяются они возвышением Пруссии и унижением Франции.

Прежде и главное всего, думаем мы, сложные, запутанные отношения между Европой и Россией этим упрощаются; — отдергивается еще одно покрывало, снимается еще одна маска; истинные отношения разясняются, настоящие враги становятся лицом к лицу; политические предрассудки и предубеждения окончательно рассеиваются силою событий, подобно тому, например, как марево Священного союза рассеялось во время Восточной войны. В отношениях России и Франции мы говорили («Заря», 1869 окт., 71-74) «Между Россией и Францией стоит целый ряд предрассудков, уже издавна препятствующих им сблизиться. Со стороны Франции это предрассудок польский и католический, со стороны России предрассудок немцелюбия и легитизма, или ненависти революции. Ряд напрасных столкновений, натянутых, недружелюбных отношений, ратное товарищество французов и поляков, польские агитации, сочувствие к политическим изгнанникам — обратились в России в политико-дипломатическое предание, во Франции в настоящий народный предрассудок, не способный уже выслушивать голоса здравого политического расчета». Такое, почти полтора столетия длящееся, политическое недоразумение, в котором обе стороны виноваты, объясняем мы требованиями высшей исторической логики. «Франция» — говорили мы, — «есть истинный, так сказать нормальный представитель Европы, главный политический проявитель европейских идей с самого начала европейской истории и до настоящего дня.

Россия есть представитель славянства. И вот, вопреки всем расчетам политической мудрости, всем внушениям здраво понятого политического интереса, эти два государства, так сказать против своей воли, становятся почти постоянно враждебными соперниками с самого начала их деятельных взаимных сношений... и *этому антагонизму не нынче конечно предстоит кончиться*».

Об отношениях России к Пруссии мы выразили такое мнение: «опять странное историческое явление, удивительная комбинация! Западные Славяне и Немцы были в течение всей европейской истории враждебны друг другу. Первые были угнетателями, вторые угнетенными, а властительная историческая судьба заставляет представителей германства и славянства — Пруссию и Россию, содействовать друг другу в достижении их по-видимому противоположных целей. Пруссия, собственно говоря, возросла под крылом России, и теперь может на нее только опираться для довершения германского единства, которое в свою очередь становится первым звеном в отделении Славянского от Немецкого... В теперешнем положении дел, Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия, точно также, как Пруссия другого союзника, как Россия. Так представляется дело на первых порах. Что будет дальше — другой вопрос. По достижении первых успехов, безобидных для обеих сторон, отношения могут и вероятно должны перемениться». («Заря» 1869 г. октябрь, стр. 76-77). Вот эта-то перемена и совершается на наших глазах. Первые успехи, безобидные для России, могут считаться достигнутыми Пруссией. Кое-что достигнуто и Россией. Самая обидная и вредная для России статья Парижского трактата может считаться уничтоженной. Конечно, достигнутые результаты не равны. Пруссия извлекла несравненно более выгод от России, чем Россия от Пруссии, но она во всяком случае достигла того, что отношения ее к Пруссии переменились по самой сущности дела. Антагонизм между Россией и Францией прекратился, ибо горький опыт на этот раз кажется достаточно протрезвит Францию. Все предрассудки ее: и польский, и католический, отступят на далекий задний план, когда дело идет о самом ее существовании, как великой европейской державы, и восстановлении ее утраченного значения. Надо надеяться, что если еще не рассеялись, то в скором времени рассеются и русские предрассудки. Россия также не замедлит узнать, кто ее действительно настоящий, не напускной враг. Мы подчеркнули в сделанной выписке слова «и этому антагонизму не нынче конечно суждено кончиться» — чтобы выставить нашу грубую ошибку. Да! судьба была гораздо милостивее, чем можно было предполагать, рассеяв так быстро, так неожиданно туман, застилавший глаза и России, и Франции, заставлявший их враждовать, не потому, чтобы их интересы были действительно противоположны, а так сказать по недоразумению, дабы они слепо исполняли назначенную им политическую роль.

Роль романских народов очевидно умалается; их как первенцев европейской культуры, ранее должна постигнуть историческая дряхлость. Деятельная, передовая роль очевидно переходит к более молодым, чисто

германским племенам. Они должны будут главным образом нести бремя, налагаемое европейским историческим тяглом. С ними следовательно, и предстоит преимущественно бороться Славянству.

Мы видели, как со времени Восточной войны, борьба России за Славянство, принимавшая временно форму борьбы против Турции, получила свой настоящий характер борьбы против Европы, представителем которой являлась Франция, лично, индивидуально вовсе не заинтересованная в борьбе против Славянства. Теперь исчезает и это недоразумение. Враждебная нам вообще Европа сосредоточивается собственно в чисто германскую ее половину; с нею придется нам в будущем вести свои счета.

Эти прямые, незамаскированные отношения, при которых врагами являются именно те, интересы которых действительно противоположны, имеют большие, несомненные выгоды на своей стороне; они развязывают руки, позволяют идти прямой дорогой, освобождают от необходимости принимать в соображение разные аттенции, избавляют от неестественных политических комбинаций, при которых одна сторона бывает всегда более или менее одурачиваемая. Мы испытывали это с самой кончины Великой Императрицы, особенно же со времени Священного союза включительно до Восточной войны, во время которой фальшивые отношения наши к Австрии, Пруссии и вообще Германии нам всего более повредили. Не надеясь на них, Россия или отклонила бы войну, или лучше бы к ней приготовилась, и, отбросив опасения нарушить германские интересы, с самого начала иначе повела бы ее. Франция испытала то же самое во время ее *entente cordiale* с Англией, за что теперь и казнится. И до сих пор наши отношения к Пруссии, с которою считаем себя связанными старинною дружбою, связывали и спутывали нас как во внешней, так, может быть еще более, во внутренней политике.

Другое влияние теперешней франко-немецкой борьбы на русские дела состоит в том, что она необходимо должна приблизить последний фазис Восточного вопроса. Справедливое сознание военной силы и политического искусства укрепилось в умах немецкого народа рядом быстрых, решительных успехов, приобретенных с 1864 по 1870 год. Политическое честолюбие разыгралось во всех сословиях и, когда ближайшая цель этого честолюбия будет достигнута, то есть вне-австрийская Германия соединена в одно целое, и мнимо-немецкая Эльзас и Лорень к ней присоединены, — честолюбие это не успокоится на этих первых шагах и, по всем вероятностям, примется за осуществление дальнейших целей. После столь долгих стремлений соединиться в могущественное политическое целое, надо же этому целому дать почувствовать свое могущество. Надо же и немецкому народу разыграть наконец мироправительную роль, которая по очереди доставалась всем его соседям. Против этого искушения не устоять Немцам, тем более, что многое их к тому приглашает. Ежели бы *Северо-германский союз* и превратился в *Германский* просто, под именем Империи, — то все еще не будет он союзом *Всегерманским*, вне его останется юго-восточная или Австрийская Германия — и те Славянские земли, которые, как Чехия, по

своему географическому положению врезаются в нее, и где не умеющая исполнить своей германской задачи Австрия допустила зажитья, окрепнуть и получить влияние славянской мысли и славянскому движению. Исключение Австрии из Германии было конечно только предварительным действием, чтобы развязать руки Пруссии, и, конечно в умах немецких патриотов не должно и не может иметь своим последствием отчуждение от общего великого отечества 5-ти или 6-ти миллионов настоящих немцев и освобождение из немецкой власти и влияния десятка миллионов Славян в Чехии, Моравии, Штирии, Каринтии, Крайне, Истрии. Такой ход дела был очевидно ко вреду общенемецких интересов, и Пруссия, сделавшая их своими интересами с того времени, как стала расширяться в Германию, конечно не может допустить в них такого ущерба, не потеряв своего обаяния. Не может еще и потому, что прибрание к немецким рукам так называемой Цислейтании окажется, подобно французской войне, необходимым для сплочения германского единства, для отвлечения от внутренних вопросов, для вознаграждения величием, силою и блеском того, что утрачено значительною долею немецкого народа в экономии, спокойствии и свободе. Осуществление части этой задачи, то есть присоединение к единой Германии действительно немецких земель, каковы: Эргерцогство Австрийское, Тироль, Зальцбург, часть Штирии и Каринтии, нельзя даже не назвать справедливым и законным. Но в том-то и дело, что невозможно предположить, чтобы этим справедливым ограничилось прусско-немецкое честолюбие, оставив Славянские земли устраиваться, как они сами пожелают.

Это было бы не только сочтено всеми Немцами за измену немецкому делу, но даже просто не может и войти в немецкую голову. А поглощение западных Славянских земель настоящею немецкою державою, с сильно возбужденным национальным духом, в то время когда разлагающаяся Австрия обещает им в недалеком будущем самостоятельность и свободу, не может быть терпимо Россией, если в ней есть капля политического смысла. Но если бы даже, вопреки всем своим выгодам, вопреки историческому смыслу своего существования, Россия оказала самое грубое политическое непонимание, самое непростительное равнодушие к судьбе западных Славян, из этого непонимания и равнодушия вывело бы ее нарушение тех ближайших интересов, которые она по историческому и дипломатическому преданию всегда причисляла к насущнейшим вопросам своей политики; ибо присоединение к Германской Империи западных Австрийских земель не могло бы совершиться без вознаграждения Австрии на Востоке, в землях, лежащих по нижнему Дунаю.

Есть, как известно, еще другой предмет немецкого честолюбия, который если и не ближе русскому сердцу, то непосредственнее касается специально русских государственных интересов. Это наши прибалтийские губернии. Нас не может успокаивать то, что прусским государственным людям очень хорошо известно, насколько эти губернии немецкие. Если бы это обстоятельство и могло воздержать от враждебной инициативы руководителей прусской политики, — они были бы вынуждены к ней

общественным мнением Германии, наиболее враждебным из всего сонма враждебных нам европейских мнений. Но плоха надежда и на прусских государственных людей, когда принадлежность Эльзаса и Лорени в незапамятные времена к Германской Империи служит для них достаточным поводом для присоединения их к теперешней Германии, несмотря на решительное офранцузивание тамошнего населения. Ведь забывают же эти государственные люди, что одно из двух: или этнографический, или исторический принцип должен лежать в основании государственного права, что они несовместимы, что так и мы можем потребовать себе Померанию и остров Рюген, потому что некогда были они поприщем славянской жизни и культуры. Почему же не прибегнуть для оправдания честолюбивых замыслов еще к третьему — культурному принципу? Разве немецкая культура прибалтийских губерний не перевесит в их глазах ненемецкий племенной состав массы их народонаселения и отсутствие всякого на них исторического права? Возможно ли сомневаться, по всем этим причинам, что со временем остзейский вопрос сделается в руках немцев тем, чем был вопрос польский в руках французов?

Или западно-славянский, или остзейский вопрос начнутся, как только успеет отдохнуть Германия от напряжений, которых ей стоит французская война (предполагая конечно, что она удачно кончится для Немцев). Ей некуда более обратить своего честолюбия, и ничто не может так цементировать здание возникшей Новогерманской Империи, так упрочить в ней преобладание прусского элемента, как именно война против России. Вспомним, что этой ценою даже столь ненавистный в глазах Европы бонапартизм сумел легитимировать себя в ее глазах. Мы видим, что в войне против Франции, с тех пор, как она потеряла характер войны против Наполеона, есть, по крайней мере один из общественных элементов Германии — элемент социально-демократический, который симпатизирует побежденным. В войне против России не будет и этого разногласия, единомыслие будет полное.

Но это ускорение борьбы, разумеемой нами под общим именем Восточного вопроса, — борьбы, во всяком случае, неминуемой, скорее полезно, чем вредно для России, ибо настоящие события уже в достаточной мере раскрывают нам глаза, достаточно предупреждают нас и дают время приготовиться. Сама же борьба с Немцами более, чем что-либо на свете, послужит к отрезвлению нашего взгляда, к уяснению наших истинных народных интересов. Она, и только одна она, разорвет наконец вполне ту сеть, которой была опутана русская политика вот уже три четверти столетия. Крымская война распутала ее только отчасти именно по отношению к Австрии. Покуда Пруссия нуждалась в нас, мы служили ее интересам как во внешней так и во внутренней политике, даже в столь независимой от политики вещи, как в направлении железнодорожных линий, и поэтому нельзя не назвать счастливым того исторического момента, с которого Пруссия перестанет в нас нуждаться и прямо выскажет те чувства, которые до поры до времени считала для себя полезным и необходимым маскировать.

Пусть хоть сама она сдернет надетые нам на нос немецкие очки, если мы никак не хотим снять их добровольно.

Вообще, несмотря на нашу европейскую репутацию тонких дипломатов и искусных политиков, мы, в сущности, политики самые плохие, по крайней мере со смерти Великой Императрицы, потому что чужие интересы почти всегда считали важнее своих; и вот почему для нас гораздо выгоднее прямая открытая игра, чем политические жмурки. До такой степени выгоднее, что даже неудачная на первый раз с Немцами (ибо в сущности мы все-таки гораздо сильнее их) принесла нам огромную пользу. Она заставила бы теснее соединить наши интересы с интересами западных и южных Славян, заставила бы видеть в них наших естественных союзников, помогать которым всеми силами нас заставляет не только честь и совесть, но самые ближайшие, наисущественнейшие интересы; а в делах мира сего это, к сожалению, весьма и весьма много значит. Во внутренних делах она показала бы, кого мы должны считать нашими злейшими врагами, и развила бы наконец *den trotzigen Widerstandgeist* против Немцев, как наружных, так и внутренних.

Но кроме этих соображений, по которым ускорение борьбы скорее полезно, чем вредно для России, главное заключается в том, что для нас весьма выгодно, если приступ к решению Восточного вопроса (под именем которого мы разумеем всякую борьбу с Западом из-за русских и славянских интересов) падет на время нарушения политического равновесия в Европы; когда, по пословице: своя рубашка к телу ближе, — внутренние раздоры, взаимные обиды европейских народов на более или менее продолжительное время отвлекут некоторых из них от их общей вражды к Славянству. Это ведет нас к рассмотрению третьего влияния франко-прусской войны на русские интересы, через посредство влияния ее на политическое равновесие европейских государств.

Мы говорили («Заря» 1869, октябрь, стр. 67): «Влияние политического равновесия Европы и его нарушение на судьбы России можно выразить следующей формулой: при всяком нарушении равновесия, Европа естественно разделяется на две партии, на нарушителя с держащими волею или неволею его сторону, и на претерпевших от нарушения, стремящихся восстановить равновесие. Обе эти партии, естественным образом, стараются привлечь на свою сторону единственного сильного соседа, находящегося, по сущности вещей (каковы бы ни были впрочем формы, слова и названия), вне их семьи, вне их системы. Обе партии заискивают, следовательно в России. Одна ищет у ней помощи для сохранения полученного преобладания, другая — для освобождения от власти, влияния или опасности со стороны нарушителя. Россия может выбирать по произволу. Напротив того, при существовании равновесия, политическая деятельность Европы направляется наружу, — и враждебность ее против России получает свой полный вид. Тут, вместо двух партий, наперерыв заискивающих в России, Европа сливается в одно — явно или тайно враждебное России целое».

Для примера из новой истории: войны Наполеона I и Восточная война вполне подходят под эту формулу. Но всякая формула видоизменяется через подставление на место ее общих знаков определенных величин, видоизменяется иногда до неузнаваемости. Так в настоящем случае видоизменение заключается в том, что первая половина ее, выраженная словами: *одна партия ищет у России помощи для сохранения полученного ею преобладания* (как Наполеон после Тильзитского мира), оказывается как бы несправедливою, или — продолжая нашу математическую метафору — обращается в нуль от внутреннего значения подставленных в нее определенных величин.

В самом деле, Пруссия, нуждаясь еще в благосклонном нейтралитете России, пока не одолеет энергетического сопротивления Франции, — осилив его и обратившись в Германскую Империю, не будет иметь никакой особенной надобности в поддержке России для сохранения полученного ею преобладания, потому что не имеет ни малейшего основания предвидеть образование против себя европейской коалиции.

Англию, бывшую издавна душою всех коалиций, не может несколько тревожить усиление Германии, потому что Германия не имеет ни флота, ни колоний, и следовательно долго еще не может быть ее соперницею в других частях света, как в былые времена Испания, Голландия и Франция, против которых она вела столь упорные войны, и как в настоящее время Америка и Россия. Такое положение дела продолжится до тех пор, пока Германия не вздумает присоединить к себе Голландии. И вот причина, почему она не сделает этого, или сделает после всего, достигнув всех своих прочих целей, хотя никакое другое приобретение не могло бы поставить Германию на такую высоту могущества, как именно приобретение Голландии, которое доставило бы ей устья Рейна, значительный флот, верфи, открытые гавани, великолепные, после английских, самые обширные и богатые колонии, и сверх всего этого предоставило бы ей огромные, веками скопленные капиталы и соединенное с ними денежное влияние. С присоединением Голландии, Германия скоро могла бы сделаться страшною для Англии, и тогда, без сомнения, видели бы мы полное оправдание нашей формулы, как во времена Наполеона I.

Но пока, могущество Германии не только нимало не опасно для Англии, а напротив того может служить самым удобным для нее орудием. Победив к началу XIX столетия всех своих морских соперников, Испанию, Голландию и Францию, — Англия увидела нового соперника в России, хотя и чисто континентального, но который, по своему географическому положению и влиянию на востоке, мог быть ей столько же, и даже более опасен, чем самая могущественная морская держава на том именно материке, на котором преимущественно сосредоточены ее интересы. Поэтому, почти с самого низвержения первой французской империи враждебность Англии обратилась против России. Предлогами служили ей то пагубное влияние России на свободу европейских народов, то алчные виды России на Турцию, то усилия ее к порабощению героических кавказских народов, то горькая участь

Польши и т.д. Отношения России к Германии, которые в сущности парализовали все истинно народные стремления нашей политики, имели однако же вид грозного и непоколебимого союза, главою которого как будто бы была Россия. Поэтому Англия соединилась узами дружбы со своим исконным врагом — Францией, которым и пользовалась насколько могла. Но союз с Францией был во всяком случае *un pis aller*, во-первых потому, что, собственно говоря, русские и французские интересы не были существенно противоположны на востоке, и следовательно, туман обоюдных предрассудков, мешающим обеим понять это, мог рассеяться при известных обстоятельствах, как это и случилось в 1807 и 1828 годах; во-вторых потому, что Франция, не будучи соседкой России, не могла употребить против нее всей своей сухопутной силы. Все это упрощается и улаживается с возникновением сильной могущественной Германии. Англия, следовательно, если не всегда, то еще долго будет другом и пособником, а не врагом и соперником Германии.

Что касается до Австрии, то конечно, казалось, не могло бы не страшить ее усиление возникшей на ее счете Германии, из которой она исключена, и в которую может быть отчасти включена вновь не иначе, как на вассальных отношениях к Пруссии, по раздроблении и перенесении ее политического центра тяжести из немецких земель в венгерские, собственно говоря даже не иначе, как через превращение Австрии в Венгрию. Это усиление прежней ее соперницы Пруссии действительно и пугало бы Австрию, если она уже не перестала быть государством, хотя бы даже искусственным, и не обратилась с воцарением дуализма, в какую-то нелепую династико-дипломатическую комбинацию, держащуюся одной эквилибристикой, как балансер на канате. С этого времени потеряла она даже самое имя свое, — она более не Австрия, а какая-то соединенная Цис-и-Транслейтания. — Человеческий ум уж так устроен, что он может знать и понимать вещь только дав ей имя; без этого и мыслить о ней он не в состоянии. Имя, название, номенклатура — великая вещь. Это — отражение действительности в нашем разуме, и потому-то так и заботятся науки о точности, правильности и рациональности своей номенклатуры. Если, поэтому, понадобилось и вошло неприметно во всеобщее употребление такое, ни исторического, ни этнографического смысла на имеющее название, как Цис-и-Транслейтания; то можно быть уверенным, что под этою нелепою номенклатурною оболочкою скрывается не менее нелепая сущность. И потому-то, что Австрия вовсе перестала быть политическим индивидуумом, хотя бы искусственным, оживленным не государственною идеею, а только временным суррогатом идеи, — она и не может иметь своих настоящих индивидуальных политических интересов. Хотя и прежде, во времена Меттерниха, Баха, Шмерлинга, Белькреди, интересы Австрии были всегда интересами ложными, несоответствующими настоящим выгодам народов, соединенных под Габсбургским венцом, — однако же такие интересы *были, существовали*, и сообразная им политическая деятельность могла проявляться, и по временам весьма сильным даже образом. Теперь их нет вовсе, они перестали существовать, —

а вместе с тем парализовалась и всякая возбуждаемая ими деятельность. Австрия представляет собой колесницу, влекомую щукой, раком и лебедем. Эта басня — символ, эмблема ее в настоящей момент ее развития — или правильное ее разложения. Результат деятельности ее, — равнодействующая всех этих в разные стороны направленных стремлений, — нуль. И до тех пор будет она находиться в таком положении, пока какая либо внешняя сила не захватит, не втянет ее в круг своего политического притяжения и не будет распоряжаться ее элементарными, потерявшими жизненную индивидуальность силами. Весьма вероятно, что этою внешнею силою будет Пруско-Германская. Сама по себе Австрия не может ничего. Если бы она была способна к какой то ни было политической самостоятельности, не заставил ли бы ее самый очевидный и простой расчет стать на сторону Франции и с лихвой возратить все, что она потеряла при Садовой? Но немецкие элементы Австрии на стороне Пруссии: они не хотят и не могут противодействовать успехам и величию их настоящего Германского отечества. На стороне Пруссии же и мадьярские элементы, потому что прозорливая и политически вышколенная мадьярская аристократия хорошо понимает, что, только опираясь на немецкую силу вне и внутри Австрии, могут Мадьяры поддерживать свое господство над Славянами, и тем отклонять неминуемое без этого поглощение Славянством. Противодействие славянских элементов, по всем вероятностям, сделало бы столь же невозможною самостоятельную и сколько-нибудь успешную помощь Австрии Германии, но об этой альтернативе нам нет надобности теперь распространяться. Для нашей цели достаточно доказать, что Австрия не только не может противодействовать Германии, но не может даже и хотеть этого.

Италия, наконец, умевшая весьма искусно воспользоваться всеми совершившимися политическими комбинациями для достижения своих внутренних целей: Восточною войною — для приобретения симпатий Франции и Англии и положения оснований своему единству и независимости, Австро-прускою войною для приобретения Венеции, и наконец разгромом Наполеоновской Империи — для присоединения Рима, — слишком ослаблена своими напряжениями, чтобы оказывать какое-нибудь деятельное вмешательство в дела, происходящие по сю сторону Альп. — Притом же, пока Германия не вздумает притянуть к себе Австрийских земель вплоть до берегов Адриатического моря, и не уничтожить этим всяких надежд на присоединение Итальянской части Тироля, и всяких видов на дальнейшее расширение вдоль берегов Адриатического моря, или не захватить Швейцарии, — до тех пор Италия может так же мало тревожиться успехами немцев, как и Англия, пока они не коснутся Голландии. С другой стороны, конечно, не имеет Италия никаких причин и благоприятствовать усилению немецкого могущества. — Таким образом, Германии нечего опасаться коалиции нейтральных европейских держав, имеющей целью обуздание ее честолюбия и ослабление могущества, а следовательно нечего и заискивать в России.

Мы видели из отношений Англии, Австрии и Италии к Германии те частные причины, по которым усиление этой последней не вызывает в европейских государствах того совокупного противодействия, результатом которого постоянно бывало восстановление равновесия. В чем же заключается эта счастливая для Пруссии или Германии особенность? Ответ очень прост. — Особенность эта заключается в том, что в строгом смысле этого слова — политическое равновесие Пруссией не нарушено, даже и после блистательных побед ее над Францией; ибо объединением Германии политическое равновесие не только не нарушается, а получает более широкое основание, более твердые подпоры. Если с первого взгляда это представляется иначе, то лишь вследствие смещения понятия о нарушении равновесия со всякими изменениями существовавшего политического положения вещей — так называемого *statu-quo*. (См. «Заря» 1869 г. Сентябрь стр. 47-49). Но мы показали, что система политического равновесия имеет положительный определенный смысл, зависящий от этнографического состава и топографического положения государств европейской системы, а не условная только комбинация, устанавливаемая на дипломатических конгрессах, которые не менее войн и завоеваний нарушали истинное равновесие. В самом деле, обнаружившееся могущество Пруссии произошло не вследствие внешних завоеваний вне германских земель, а вследствие превосходства военного устройства, административного порядка и внутреннего развития. Если бы эти элементы силы в той же мере господствовали во всех землях бывшего Германского союза, то он был бы еще могущественнее теперешнего, предводимого Пруссией, более тесного союза. Собственно говоря, Новогерманская империя — тот же Германский Союз, только лучше устроенный и избавленный от дуализма, составлявшего в нем элемент слабости и расстройств. Но против усиления политического могущества государств от таких причин нет другого лекарства, как пользоваться данным примером, т.е. прочие государства должны стремиться к подобному же устройству и развитию заключающихся в них элементов силы и могущества. И вот, все государства и последовали уже этому примеру; даже Англия намеревается увеличить свои сухопутные боевые силы.

Пруссия не теперь усилилась, и даже не в 1866 году — теперь она только обнаружила свои силы; ошибка и несчастье Франции в том, что она не видела этих сил и вызвала их неосторожно на бой, не организовав, не собрав своих собственных, которых было бы, по меньшей мере, вполне достаточно для борьбы с Германией, как равного с равным. Это лучше всего доказывается героическим сопротивлением Франции после уничтожения всех ее регулярных армий, сопротивлением, которое уже и теперь проявило бы блистательные результаты, если бы их не парализовала в значительной степени постыдная сдача Базена, освободившая не менее 200.000 немецких войск.

Пруссия была принуждена напрячь все свои силы, чтобы поднять свое упавшее значение после Иенского разгрома, и, сохранив введенное ею тогда

устройство, и после полученных ею приращений на Венском конгрессе, она могла считаться одною из пяти первостепенных держав Европы, несмотря на то, что по своему народонаселению была вдвое слабее самого малонаселенного из них. Но другие государства, в особенности же Россия, обладая гораздо большими средствами, все-таки превосходили Пруссию силою и могуществом и не прибегая к такому всестороннему пользованию ими, и потому не считали нужным вводить у себя ее превосходную военную систему. Рутинная и привязанность к старому не позволяют ни в чем слишком скоро проникать новизне. Для России, при существовании крепостного права, эта система была даже просто невозможна. Пруссия воспользовалась стечением разных благоприятных обстоятельств, как-то: нерасположением России к Австрии, вызванным ее неблагоприятным образом действия в Крымскую войну, отчуждением России от европейских дел вообще, вмешательством западных держав во внутренние дела России по поводу Польского восстания, благорасположением Англии к усилению Германского могущества, ослеплением Наполеона, и соединила Германию, в одно политическое целое и тем удвоила свое народонаселение, обратившись из 19-миллионного в 38-миллионное государство, в которое вводит свою военную систему. Если эта система могла поставить прежнюю Пруссию почти в уровень с прочими великими державами, то, конечно, она стала теперь почти вдвое сильнее каждого из них, и по меньшей мере сравнялась могуществом с Россией. Но очевидно, что это преобладание кратковременное, и может продлиться только до тех пор, пока подражание прусскому примеру не восстановит прежнего отношения между политическими силами государств; но некоторый, и довольно значительный выигрыш останется и после этого на стороне Пруссии, потому что, воспользовавшись временным превосходством своих сил, она успела образовать из сплоченной Германии — государство равное Франции по пространству и народонаселению, и ее значение как первостепенного государства впредь не будет уже зависеть от того, что прочие государства забывают пользоваться всею совокупностью находящихся у них под руками средств, а будет опираться на твердых и незыблемых основаниях.

Но, если первая половина нашей формулы оказывается неверною в применении к настоящему обнаружению, так сказать доселе под спудом скрывавшихся, немецких сил; то зато вторая ее половина, выражающаяся словами: *«другая партия ищет помощи России для освобождения от власти, влияния, или опасности со стороны нарушителя»*, вполне оправдывается, и Россия в течение довольно долгого времени будет иметь возможность пользоваться представляемыми ею выгодами. — Если Пруссию или опруссенную Германию и нельзя в строгом смысле считать нарушительницею равновесия; то она, тем не менее, будет казаться таковою с специальной точки зрения Франции, и тем в большей степени, чем тягостнее будут предписанные ей победителем условия мира. Если и не нарушено равновесие незаконным усилением Пруссии, то оно во всяком случае нарушено ослаблением Франции, и Франция всегда будет искать союза с

Россией для восстановления своего прежнего положения, своей прежней политической роли, — и так как это для нее вопрос жизни и смерти, то из-за помощи России она будет готова поступиться в весьма значительной степени своими предрассудками, как польским, так и восточным. В своем стесненном положении она легче поймет, что ее интересы, в сущности, вовсе не противоположны интересам России. При всякой борьбе с Германией, Россия может поэтому рассчитывать на самую усердную помощь Франции.

Но тут представляются два вопроса: 1) Не должна ли Россия, в виду собственных своих интересов, теперь же помочь Франции избавиться от тяжелых жертв, налагаемых победителями, от огромных денежных вознаграждений, от срытия крепостей и, главное, — от территориальных уступок? 2) Может ли ослабленная Франция быть действительно полезным союзником России?

Мы не задумываемся ответить отрицательно на первый из этих вопросов. Единственная выгода России от избавления Франции из ее тяжелого положения заключалась бы в приобретении благодарности этой последней; но горький опыт показал уже России, какое ничтожное значение в политике имеет это невестественное приобретение. Россия ли не спасала Австрию, не взлелеяла ли Пруссии, не охраняла Германии, и что же? Образ действия Австрии известен, но, сверх сего, нигде общественное мнение, не исключая самой Англии, так не враждебно России, как именно в этих благодетельствованных ею странах.

Но допустим, что Французы оказали бы более политического благородства, чем Немцы. Для чего России добывать значительными жертвами и усилиями, без которых не обошлась же бы война с Германией, то, что ей достается по стечению обстоятельств даром, — я разумею помощь Франции, при всяком будущем столкновении с Германией? Этого мало — можно даже с уверенностью сказать, что тягость условий, которые наложатся на Францию, будет гораздо сильнее понуждать ее к выгодным для России усилиям против Германии, чем сколько могло бы сделать чувство благодарности за избавление от этих тяжелых условий.

Если бы Немцы и Французы разошлись полюбовно, будет ли то при содействии России, или без оно, — то можно смело утверждать, что немного прошло бы времени, как они готовы бы были соединиться на общей для них почве Европейских или Германо-Романских интересов против Славянства и России

Не надо забывать, что и те и другие, и Романское и Германское племя, и Франция и Германия, в сущности наши недоброжелатели и наши враги; только вражда последних глубже, прямее, непосредственнее, и скажем не обинуясь — резоннее, рациональнее. С освобождением и соединением Славянства, Романские народы ничего существенного не теряют, ибо ни один из них, за исключением разве Итальянцев, и то в весьма ничтожной степени, никогда не может рассчитывать на подчинение своей власти какого-либо из Славянских племен. Между тем, Немцы лишаются через это преобладания над миллионами Славян и всякой надежды на дальнейшее

расширение своего владычества и влияния на восток, на обширные и плодородные соседние им страны, страны, которые в ближайшем будущем должны же переменить своих неспособных обладателей и сделаться или свободными, или же подпасть под власть нового насилия, которое может быть только немецким. Вражда Германского племени к Славянам есть историческая необходимость, вражда Романских народов — только исторический предрассудок. Но предрассудок тем не менее существует, и потому все, что ее разрушает, или, по крайней мере, ослабляет, для нас полезно; а ничто в такой мере не может содействовать его разрушению или, по крайней мере, временному приостановлению его действия, как враждебное столкновение Германии с Францией. Чем более следов оно за собою оставит, тем долее продлится и его полезное для нас действие, состоящее в том, что ближайшая вражда застит собою дальнейшую до такой степени, что на мрачном фоне ее — эта дальнейшая может показаться если и не постоянною дружбой, то, по крайней мере, временною приязнью. Но, если наша собственная выгода нисколько не понуждает нас помогать Франции, спасти ее из ее критического положения, то мы не имеем на это и никаких других поводов более бескорыстного свойства; ибо отношения к нам Франции, как, впрочем, и всех остальных Европейских государств, были всегда таковы, что России нет ни малейших оснований питать к кому-либо из них чувства доброжелательства или благодарности.

Что касается до второго вопроса, то, для не потерявших исторической памяти, на него не может быть другого ответа, кроме вполне утвердительного. Как бы жестоко ни воспользовались Немцы своими победами, как бы тяжелы ни были условия мира, предписанные хотя бы на развалинах Парижа, — ослабление Франции никогда не может дойти до той степени, до которой доведена была Пруссия после Тильзитского мира. Пусть отнимут у Франции не только Эльзас с частью Лорени, но и всю эту последнюю провинцию; за всем этим Франция будет заключать в себе все еще не менее 35.000.000 жителей, между тем как Пруссия, которой были оставлены только неполные четыре провинции: Пруссия, Бранденбург, Силезия и часть Померании, имела в 1807 году никаких-нибудь 4 или 5.000.000 жителей. Число войск ее было ограничено с небольшим в 40 000 человек, крепости заняты французскими гарнизонами. Со всем тем, принявшись хорошенько, Пруссия так умела устроиться, что через 6 лет после этого она была уже в состоянии оказать России значительную помощь в освобождении Германии. Прибавим еще к этому то, что военное устройство, которое ввели в ней Штейн и Шарнгост, было тогда еще не испытанным теоретическим предположением, между тем как теперь оно яркий положительный факт, много раз блистательно оправдавшийся на практике. Можно ли после этого сомневаться, что и Франция, в течение немногих лет после ее разгрома, успеет настолько по крайней мере оправиться и переустроиться, чтобы быть сильной помощницей России?

Правда, что в теперешнее время требуется гораздо более средств на то, чтобы устроить и вооружить сильную боевую армию, чем в начале

нынешнего столетия; но зато, промышленные и финансовые силы Франции, как бы ни была она ослаблена военным разорением и тяжкими мирными условиями, все-таки останутся вне всякого сравнения выше тех, которыми могла располагать Пруссия после 1807 года. Что эти силы и патриотический и военный дух Франции несравненно выше, чем в Пруссии 1806 года, доказывает напряженность войны после всех поражений, понесенных французскими армиями. Конечно, Францию постигла Седанская и Мецкая катастрофы. Говорят, что еще не было примера таких позорных капитуляций, ибо всегда как-то ближайшее к нам событие принимает большие размеры сравнительно с теми, которые уже отодвинулись на расстояние исторической перспективы. Но не надо забывать, что в 1806 году, после одного проигранного сражения, — вся Пруссия: войска, крепости, народ так сказать сдались военнопленными, представили собой один огромный Седан. Правда, не было примера, если позволено так выразиться, столь блистательных измен, как в Меце, такой деморализации армии, такого нелепого и позорного распоряжения военными силами страны; но все это искупается героизмом французского народа, — который, и после разгрома всех организованных сил страны, до сих пор заставляет колебаться участь войны, так что невозможно еще предсказать ее исхода. Поэтому, весь позор падает единственно и исключительно на Наполеона и его правительство. Мы проводим эту параллель 1806 и 1870 года не для унижения Пруссии, а для того, чтобы показать, что Франция представляет во всех отношениях гораздо более залогов на то, что она и захочет и сумеет загладить все свои неудачи, чем Пруссия 1806 года.

Беспристрастное и всестороннее рассмотрение того влияния, которое усиление Пруссии, или что все равно — Германии, должно иметь на Россию, на осуществление ее великой исторической задачи — освобождения и соединения всех славянских народов, — в главном опять-таки подтверждает наше общее положение: что всякое нарушение политического равновесия между Европейскими государствами выгодно для России; во всяком случае, гораздо выгоднее внутреннего Европейского мира, всегда скрывающего в своих недрах грозу против России, готовую разразиться при всяком удобном для того случае или предлоге. Грозы не избежим мы правда и теперь и даже вероятно грянет она еще скорее, чем без этого, но при более выгодных для нас условиях и обстоятельствах. Мы говорим это во-первых потому, что наше положение будет гораздо благоприятнее в общественном мнении значительной части Европы. При искусном с нашей стороны образе действий — борьба за самые священные интересы Славянства, которых конечно не признает Европа, получит в глазах ее вид борьбы против немецкого преобладания, угрожающего в будущем и Дании, и Голландии, и Швейцарии, и Италии. Наводящее ужас страшилище грядущего панславизма заслонится в глазах многих уже возникшим пугалом пангерманизма. Во-вторых, мы всегда можем рассчитывать, что Франция будет на нашей стороне, а Италия останется нейтральной, тогда как, при враждебности нам и Англии, и

Франции, Италия, лишенная всякой точки опоры, для сохранения своего нейтралитета, должна бы необходимо за ними последовать.

Конечно, прежде и главное всего мы должны принять внутри все необходимые предосторожности, собрать, приготовить, устроить и увеличить все свои силы, но это необходимо во всяком случае; теперешний же разгром Франции служит для нас громким, вызывающим и вопиющим, но, вероятно, уже последним предостережением, и призыв всех сословий к равномерному участию в военной службе позволяет надеяться, что — глас этот не будет гласом вопиющего в пустыне.

Хотя, таким образом, нарушение политического равновесия в пользу Пруссии и Германии имеет для нас ту невыгодную сторону, что, вследствие изложенных выше обстоятельств, Россия не имеет выбора между сторонами победившей и побежденной для заключения с любой из них такого союза, который содействовал бы ей в достижении ее национальных целей; но это обстоятельство, в сущности, не так невыгодно для России, как может показаться с первого взгляда. Союз могущественной Франции с могущественною Россиею, искренне заинтересованных во взаимном охранении их совокупного преобладания, был бы конечно самою выгодною для нас политическою комбинациею, как показал короткий период Тильзитской дружбы; но, к сожалению, победа Франции без сомнения возбудила бы с новою силою предрассудки, которые до сего времени не только отчуждали Россию и Францию, но ставили их почти постоянно во враждебные отношения, совершенно не оправдываемые требованиями их действительных выгод. С другой стороны, побежденная, ослабленная Пруссия и вновь раздробленная Германия снова стали бы в то отношение к России, в котором, при кажущемся ее преобладании, она снова сделалась бы, как во времена Священного союза, орудием для достижения немецких целей, для охранения немецких интересов. Тильзитская политика не могла бы возникнуть, и выбор России между победителем и побежденным осталась бы чисто мнимым. Как внутри, так и вне России и Франции, замешано слишком много интересов, заботящихся не допускать их до сердечного соглашения, слишком много как польских, так и немецких влияний и зацепок самого разнообразного свойства, пускающих в ход всякого рода пружины: династические, аристократические и демократические. Франция, не найдя искренней поддержки в России своим честолюбивым видам, принялась бы по старому подогревать польские интриги. Россия, воображая себя угрожаемою революционною или демократическою пропагандою, приняла бы так называемую строго консервативную политику немецкой окраски. Напротив того, при победе Германии и временном ослаблении и даже унижении Франции, все эти предрассудки и влияния должны потерять свою силу. Франция, имея возможность лишь в одной России найти опору для восстановления своего политического положения, поневоле откажется от поддержки мнимых польских интересов, когда самые существенные и действительные французские интересы станут им противоположны. Россия поневоле отступится от поддержки Пруссии и Германии, когда, сняв маску,

они гордо станут преследовать свои собственные цели, идущие в разрез с самыми очевидными выгодами России.

Кроме этого, есть еще и другая сторона, делающая выгодным для России преобладание в Европе Германии и оттеснение Франции на второй план. Несмотря на весь вред, который Франция причинила Славянам Балканского полуострова своею восточною политикою, а Славянам Австрийским поддержкою польского и мадьярского элементов, — она все-таки пользовалась сочувствием и расположением известной части так называемой интеллигенции в различных Славянских землях, а еще более в Румынских княжествах. Этим расположением обязана она была: тому обаянию, которое получило имя ее в глазах либералов со времени французской революции; ее действительным услугам национально-либеральному делу в Италии; либеральной фразеологии ее писателей, ораторов и государственных людей, а также многим действительно симпатичным сторонам французского национального характера. Все это заставляло надеяться многих Славян, что и на них распространит она покровительство трехцветного знамени. Конечно это не более как самообольщение, обман, ибо в глазах французов, как и всех прочих европейцев, плоды свободы растут и зреют не для Славян; но тем не менее соблазн действовал. Вот этого-то соблазна, по счастью, совершенно лишены Немцы, лишены его по политическим интересам немецкого народа, диаметрально противоположным интересам Славян, по издревле ведущейся между ними, под разными видами культуртрегерства, исторической борьбе, и наконец по самому немецкому характеру, антипатичному для всех, вступающих с Немцами в ближайшее столкновение народов. В этом я сошлюсь, кроме Славян, на итальянцев, на наших Эстов и Латышей, и наконец даже на родственные немцам скандинавские племена. Эта разница в оценке национальных характеров Французов и Немцев другими народами всего яснее выражается при теперешних обстоятельствах. Как только был низвергнут всем опротивевший Наполеон, повсеместно стали обнаруживаться симпатии к Франции; Бельгийцы, несмотря на то, что Франция угрожала независимости их отечества, до такой степени обнаружила свое дружелюбное расположение к Франции, что Немцы вздумали даже считать это за нарушение нейтралитета. Итальянцы высылают своих волонтеров сражаться за Францию под предводительством своего национального героя. Швейцария, даже немецкая, очевидно на стороне Франции; также в Чехии и наконец в России, где только та часть журналистики и разделяющей ее мнение публики сочувствует Пруссии, которая всегда была лишена всякого понимания национальных интересов. Даже в простом народе часто случалось мне слышать сожаление, что Немец одолевает Францию. Конечно, политический расчет может заставить то или другое государство принять сторону Пруссии или Германии, но едва ли где вызывают к себе Немцы сочувствие общественного мнения.

Обстоятельство это, думаем мы, весьма важно. Всегда верный инстинкт народных масс и умы истинно передовых людей во всех Славянских землях давно уже на стороне России; но за то значительная часть так называемой

интеллигенции, влияние которой весьма значительно, ощутительно склоняясь на сторону Франции, проникалась антирусскими — а следовательно в сущности и антиславянскими — стремлениями, и на Францию возлагала главные свои надежды. Теперь, когда Франция надолго должна сосредоточиться внутри самой себя, думать единственно об излечении нанесенных ей ран, о восстановлении своего утраченного могущества, о возвращении, имеющих вероятность отойти к Германии, областей своих, и для этого искать дружбы и помощи России, — Россия остается в глазах всех Славян, не потерявших не только политического, но и просто здравого смысла, единственным якорем их спасения, единственною их путеводною звездой. Никто кроме России не может их избавить от немецкого наплыва, никто кроме Славян не может и России доставить постоянных пособников против немецких стремлений, которые не замедлят обнаружиться с такою яркостью, что могут продолжать оставаться невидимыми только для слепорожденных. Такое положение дел, которое должно теснее сблизить Россию с прочими Славянами, и их с Россией, не может конечно не считаться благодетельным для обеих сторон.

Всестороннее рассмотрение влияния которое должна оказать франко-прусская война на Россию, подтверждает вполне прежде выраженную нами мысль, что всякое нарушение политического равновесия Европы, откуда бы оно ни происходило, для нас более или менее выгодно; но, кроме этого, в общем результате его оказывается какая-то странная двойственность, именно: что все симпатии наши на стороне Франции, политические же соображения заставляют желать полной победы Германии и ослабления Франции. Но интерес, который имеет в этом Россия, чисто отрицательного свойства. Не усиление Германии и не поражение и унижение Франции сами по себе выгодны для России, а выгодно то, что, во-первых, объединенная и усилившаяся Германия непременно выкажет со всею яркостью и очевидностью противоположность политических целей и стремлений немецких и русских, и Россия принуждена будет выступить на защиту самых существенных своих интересов, нераздельных с интересами всего Славянства; во-вторых, что с ослаблением Франции рассеются по крайней мере на время те предрассудки, которые и с французской и с нашей стороны так долго препятствовали понимать тождество обоюдных интересов в большинстве случаев. Такая противоположность между внушениями чувства и интересов, равно как и отрицательный характер самих этих интересов, показывают, что несмотря на поворот к национальной политике, последовавший в России после Восточной войны и польского восстания, все еще осталось многое, не заслуживающее носить этого названия, — обнаруживают ненормальность многих сторон и внутренней и внешней политики, как у нас, так и во Франции. Ошибки французской политики не позволяют нам прямо и открыто стоять на стороне Франции, к которой, по настоящему, должен бы нас привлекать здравый политический расчет; — ошибки нашей политики принуждают желать, чтобы хоть тяжелый опыт и близкая опасность заставили нас увидеть всю диаметрально

противоположность между выгодами и целями немецкими и русскими и славянским.

18 дек. 1870.